

Гомельское дѣло.

— Максимъ Горькій прислалъ телеграмму, въ которой сообщаетъ, что прїѣдетъ въ Гомель на процессъ на будущей недѣлѣ: „Рвался раньше, но задержала болѣзнь“. Ожидаются также Леонидъ Андреевъ, Тянь и другіе молодые писатели изъ Москвы и Петербурга, заинтересованные процессомъ, исключительный характеръ котораго достаточно выясненъ въ печати.

Рядъ свидѣтелей—русскихъ удостовѣрилъ предъ судомъ о малодѣятельности воинскихъ командъ и полиціи; особенно подчеркиваетъ это свидѣтельница Екатерина Савченко; она была въ услуженіи у еврея Кремера. Съ иконою въ рукахъ она убѣждала громилъ пощадить квартиру; на двѣ толпы она имѣла вліяніе, но третья жестоко разгромила домъ. Свидѣтель Ейдинъ рассказываетъ про эпизодъ обзорѣя могилевскимъ губернаторомъ погромной мѣстности. Полиція, между прочимъ, показала губернатору одинъ домъ, принадлежавшій русскому, не сообщивъ, что въ домѣ обитали исключительно евреи. Жалоба свидѣтеля суду на полицію, отказавшую въ помощи при розыскѣ убійцъ его шурина, вызываетъ вопросъ защитника Ратнера объ отношеніяхъ полицейскихъ къ еврейскому населенію. Свидѣтель отвѣчаетъ, что „не дай Богъ жить евреямъ въ Гомелѣ“. Предсѣдатель на дальнѣйшіе вопросы въ этомъ направленіи запрещаетъ отвѣчать. Ратнеръ мотивируетъ свои вопросы тѣмъ, что полиція и часть населенія могутъ отражать на себѣ племенную вражду. Предсѣдатель дѣлаетъ Ратнеру строгое внушеніе, заявляетъ, что не позволитъ инсинуировать на правительствен-

ныхъ чиновниковъ, предупреждаетъ, что впредь приметъ предоставленныя ему закономъ мѣры.